
ОЛИЦЕТВОРЕНИЕ КАК СРЕДСТВО ПЕРСОНИФИКАЦИИ КОСМИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА В ПОЭЗИИ НАЧАЛА XX В.

Н.А. Туралина, О.Н. Биль

Кафедра педагогики и методики начального образования
Белгородский государственный университет
ул. Студенческая, 14, Белгород, Россия, 308007

В статье рассматривается олицетворение как средство персонификации космического пространства в поэзии начала XX в. В работе представлен спектр олицетворяющихся номинаций, рассмотрены группы глаголов, выражающие олицетворяющие признаки в поэтических текстах начала XX в.

Ключевые слова: олицетворение, персонификация, космические номинации, олицетворяющие признаки.

Особенностью человеческого сознания всегда была склонность к одушевлению предметов и явлений окружающей действительности, которые отождествлялись с жизнью человека, с его чувствами; элементы сходства могли основываться на внешнем виде, на звуках, которые напоминают речь, на движении [5], в результате чего природа в целом, космос, пейзажи наделялись «не частными признаками людей, а приобретали реальный человеческий образ» [4].

Олицетворение как прямое выражение мироощущения пронизывает мифологию, религию, фольклор, где конструктивное значение имеют фантастические и зоологические персонажи, растения, наделенные человеческими свойствами, одухотворенные силы природы (солнце, небо, ветер, вода и проч.), предметы повседневного быта [8].

Олицетворение является древнейшим художественным приемом, вместе с тем в исследовательской литературе статус данного тропа не определен однозначно, что объясняется разными подходами к определению термина. В работах ученых четко прослеживается две точки зрения обозначения анализируемого явления: широкое понимание, согласно которому неодушевленным предметам приписываются признаки и свойства живых существ, и узкое определение понятия — при данном подходе олицетворение понимается как наделение предметов, явлений, живых существ свойствами человека.

Мы под олицетворением понимаем троп, «состоящий в приписывании неодушевленным предметам признаков и свойств живых существ» [7]. Олицетворение состоит из «олицетворяемого понятия и слова катализатора, благодаря которому осуществляется акт олицетворения» [2].

В нашей работе олицетворяемое понятие представляет собой космический образ, катализатором которого выступают глаголы, а также глагольные формы, являющиеся источником олицетворения, в результате чего неодушевленное существо становится источником активного действия так, как если бы оно было живым существом, человеком.

В поэзии начала XX в. спектр космических олицетворяющихся наименований широк, однако наиболее персонифицируемыми являются солнце, луна (месяц), звезда, небо, а также туча, облако, луч, заря, что не является случайным. Мифологической персонификации подвергалось все, с чем связан человек, что он делает, о чем думает, так появились персонажи, воплощающие солнце, луну, зарю, тучи и т.д. [11].

Как отмечает А.Н. Афанасьев, «древний славянский народ был погружен в простую, повседневную жизнь, какая устанавливалась матерью-природой, которую он видел как живое существо, всегда готовое отозваться на скорбь и веселье... Всякое явление, содержащееся в природе, делалось приятным и более доступным человеку только через сближение с своими собственными ощущениями и действиями... Наши праотцы обоготворяли небо, ибо с неба падают солнечные лучи, отсюда блистают луна и звезды, проливается благодатный дождь. Народная фантазия, создавшая для разнообразных явлений, связанных с небом, различные поэтические олицетворения, представляла их в едином, нераздельном образе» [1].

В поэтическом творчестве авторов начала XX в. наиболее представленной по числу олицетворяющихся образов космического пространства являются ТГ «Небесные тела», где высокочастотными персонифицирующимися являются наименования ТП «Светила и явления, связанные с ними» (солнце (54 с/у), луна (52 с/у), заря (33 с/у), луч (26 с/у), закат (21 с/у)), ТП «Общие обозначения небесных тел» (звезда (36 с/у), созвездие (9 с/у), светило (8 с/у), метеор (7 с/у)), ТГ «Небесная сфера», в которой особенно олицетворяемыми выступают номинации ТП «Небесные и атмосферные явления» (облако (33 с/у), туча (26 с/у), дождь (9 с/у), гром (9 с/у), гроза (7 с/у)), ТП «Небо и явления связанные с ним» представлена одним наименованием, подвергающимся «оживлению», — наименованием небо (46 с/у).

Олицетворяющие признаки в поэтических текстах начала XX в. реализуются посредством глаголов, а также глагольных форм, которые объединяются на основе семантических признаков в пять групп [3; 9]: глаголы говорения (речи), глаголы, обозначающие эмоциональное состояние, глаголы зрительного восприятия, глаголы состояния, глаголы движения:

*все свершалось безжалостно—скоро: **звезды** родные солгать не хотели (Брюсов); **небеса** произнесли, изменяясь едва, незабвенные слова (Бальмонт); **смотрит месяц** догорающий, белой тучкой омрачается (Бальмонт); **солнце** смотрит и смеется, солнце искры серебрит (Брюсов); **месяц** матовый взирает (Бальмонт); а она прошла за перелесок... лунный **луч** кружился... (Гумилев); или **облака**, взметая клочья пены (Волошин).*

Названные группы глаголов активно функционируют в творчестве других поэтов первой половины XX в. (например, А. Блока, С. Есенина, В. Маяковского), о чем свидетельствуют данные «Словаря образных средств Александра Блока, Сергея Есенина и Владимира Маяковского»:

*дышит **гроза** (Блок); дремали две **звезды** (Блок); **вселенная** спит (Маяковский); спит **гроза** (Есенин); **солнце** заговорило басом (Маяковский); **луна** хохотала (Есенин) [10].*

Широким спектром сочетаемости с глаголами отличаются в языке поэзии начала XX в. номинации: солнце (12), звезда (12), небо (10), луна (9). На первый план в поэтическом мире авторов выдвигается использование эмоциональных глаголов (в контекстах, олицетворяющих солнце и луну) и глаголов говорения (при одушевлении звезды и неба). Кроме того, наименования «звезда», «луна», «небо» в поэтическом мире К. Бальмонта сочетаются с глаголами «проснуться», «велеть» (повелеть), «хотеть», не входящими в основные группы глаголов, осуществляющих персонификацию образов космического пространства:

*скоро **звезды** проснутся, сочетаясь в узор* (Бальмонт); *так **небо** хотело, и так **повелела** луна* (Бальмонт).

Образ солнца в поэтических текстах начала XX в. вступает в устойчивые связи с эмоциональными глаголами (стыдиться, ликовать, улыбаться, смеяться), глаголами говорения (шептать, льстить, отвечать), глаголами состояния (пьянеть, вздохнуть, дышать), глаголами зрительного восприятия (смотреть, глядеть):

*ему же **солнце** улыбнется* (Брюсов); *тут **солнце** вздохнуло, закатилось* (Бальмонт); *и ответило **солнце*** (Бальмонт); *одиноко-незрящее **солнце** смотрело на страны* (Гумилев).

Поскольку солнце — это символ высшей космической силы, всевидящее божество, сердце космоса, слава, величие, царственность, в языке поэзии начала XX в. дневное светило в структуре олицетворения изображается отстраненным, далеким, недостижимым, в то же время имеющим преимущественно позитивную трактовку:

*утром рано из тумана **солнце** выглянет для нас и осветит...* (Бальмонт); *и **солнце** улыбается, как было год назад* (Брюсов).

Лексема «звезда» также взаимодействует с глаголами говорения (лгать, спорить, прославлять, разговаривать, кликать), эмоциональными глаголами (рыдать, любить, ликовать), глаголами зрительного восприятия (смотреть, глядеть), глаголами состояния (умереть):

***звезды** тихонько шептались* (Брюсов); *смотрят **звезды** с высоты* (Бальмонт); ***звезды** искрятся, ликуя, по небесной вышине* (Бальмонт); ***звезды** спорят с улыбкой* (Брюсов).

Звезда почиталась как нечто вечное, неумирающее, как высшее достижение, звезда — это символ радости, счастья, красоты [6].

В поэзии указанного периода посредством глаголов, имеющих позитивное значение и доминирующих в контекстах (любить, ликовать, прославлять и др.), воссоздается величественный образ небесного тела.

Второй тип олицетворяющих контекстов, в которых оживляется звезда, создается посредством глаголов, имеющих эмоционально-негативное значение (лгать, рыдать, умирать), в таких примерах, как правило, сосуществуют два мира:

мир человека и мир космоса, причем подавленное состояние человека поддерживается тягостным настроением небесного тела, такую же отрицательную коннотацию приобретают фрагменты, в которых звезда взаимодействует с глаголами зрительного восприятия, некоторыми глаголами говорения. В народной поэзии звезда в олицетворяющих контекстах редко функционирует во множественном числе, исключение составляют те обрядовые песни, где звезды встречаются вместе с солнцем и месяцем. Гораздо чаще в народной традиции упоминается одна звездочка, под которой подразумевается, в основном, вечерняя звезда [6]. В поэтических текстах начала XX в., напротив, образы «одинокой звезды», подвергающиеся олицетворению, единичны, в поэтическом слове названных авторов одушевляются звезды (наименование во множественном числе):

звезды тихонько шептались, звезды смотрели на нас (Брюсов); *луна золотая облила серебряным светом, и звезды глядели* (Волошин); *мне звезды рассказали: «Любви на небе нет»* (Бальмонт); *звезды говорили с жемчугами* (Гумилев).

Олицетворяющийся образ неба соотносится с глаголами говорения (шептать, гласить, твердить, взывать), глаголами зрительного восприятия (моргать, глядеть), глаголами состояния (дышать, спать), эмоциональным глаголом «смеяться»:

небес далеких синева твердит неясные упреки (Гумилев); *ниже глянет Неба свод* (Бальмонт).

Традиционно в народном поэтическом языке небо представлялось местопробыванием Бога [6], олицетворяя небо, славянский народ полагал, что там вечное царство [1].

В поэтическом мире начала XX в. в олицетворяющих контекстах небо также предстает дающим жизнь, божественным, вечным, далеким, это истина, спокойствие, таинственность, что объясняет сочетания с такими глаголами, как гласить, твердить, шептать, глядеть, спать, и имеет, как правило, положительную коннотацию, подчеркнутую, в частности, глаголом смеяться:

за окнами небо родное смеется, и его не достичь никакими усилиями (Бальмонт); *небо шепчет: «К жизни! К свету! Все ростки, листки, трава»* (Брюсов).

Вместе с тем в некоторых контекстах образ неба наряду с позитивной трактовкой имеет противоположную интерпретацию: в текстах поэта небо вызывает страх:

глядит Неба свод, сердце кто-то свяжет, тьма в нем, тьма в нем запоет (Бальмонт).

В фрагментах, реализующих олицетворение образа луны (месяца), проявляется соотношение номинации с эмоциональными глаголами (целовать, печалиться, лелеять), глаголами состояния (умирать, дышать), глаголами зрительного восприятия (смотреть, глядеть), глаголом говорения баюкать:

на заре умерла золотая луна (Брюсов); *луна их лик поцеловала* (Брюсов); *в них спит Луна, перед тем как пробудится мрак* (Бальмонт), *когда луна... глядит печально из померкшей выси* (Гумилев).

Олицетворяющийся образ ночного светила в поэтических текстах начала XX в. наполнен спокойствием, умиротворением, тишиной:

на небе дышит бледная луна (Брюсов); *ночная тишина, глядит на мир Луна* (Бальмонт).

Меньшую сочетаемость с глагольной лексикой в поэзии начала XX в. проявляют космические наименования: Земля, луч, туча, заря: Земля соотносится с глаголами «говорить», «дышать», «спать», «дрогнуть»:

спит в покое солнцу верная Земля (Брюсов); *я слышал — Земля говорила* (Бальмонт);

луч взаимодействует с лексемами «улыбаться», «смотреть», «глядеть», «куснуть»:

небесный глянул луч (Бальмонт); *луч улыбнется* (Бальмонт); *наглый луч на кровать смотрит прямо в упор* (Брюсов);

туча сочетается со словами «бежать», «глядеть», «спорить», «дремать»:

туча бежала за валом (Бальмонт); *и тучка на воды глядит* (Бальмонт);

заря — с глаголами «улыбаться», «плакать», «смеяться», «смотреть»:

плачет нежная заря (Бальмонт); *смотрит заря* (Гумилев); *но когда заря смеется...* (Брюсов).

Олицетворение зари в поэзии начала XX в. связано с семантикой космического наименования, которое обозначает «пробуждение, начало чего-либо», что объясняет позитивное изображение данного явления в стихотворных фрагментах с персонификаторами улыбаться, смеяться, смотреть (названные лексемы доминируют в структуре рассматриваемого олицетворения). Позитивное изображение солнечного явления находит свое отражение в состоянии природы, которое в поэтических текстах анализируемых авторов приобретает положительные эмоции под влиянием зари, кроме того, внутренний мир человека оживает вместе с зарей, преобразуется; мотив любви во многих контекстах, реализующих олицетворение солнечного явления, является основным.

Противоположное значение в поэзии начала XX в. приобретает лексема «закат», имеющая значение «завершение чего-либо», иногда в стихотворениях названное значение усиливается в результате сочетаемости наименования с глаголам «умереть»:

закат умирал запоздалый (Бальмонт); *умрет закат, разделет очам предстанет синь* (Брюсов).

Зачастую образ заката — это агрессивный образ, создающий мрачное настроение:

кровью хлынет закат говорящий — жить мне в пустыне отныне умершей любовью (Брюсов).

Олицетворение наименования «туча» в поэзии начала XX в. в большинстве примеров основано на физических параметрах небесного явления (движение/состояние покоя), при этом в олицетворяющих контекстах движение небесного образа передается всему окружающему: природе, неживым предметам, иногда человеку, состояние покоя данного явления в поэтических текстах связано, в основном, с ночным временем суток, в данных примерах наблюдается устойчивая взаимосвязь таких космических номинаций, как туча, небо, закат:

тучи бегут по небу (Гумилев); *тучки в небе дремлют* (Брюсов).

Олицетворяющийся образ Земли в поэтическом слове К. Бальмонта, В. Брюсова, М. Волошина, Н. Гумилева существует нераздельно с человеком, действия, совершаемые Землей, обусловлены поведением и эмоциональным состоянием человека; в других контекстах Земля является движущей силой поведения человека, помогающей ему в достижении своей цели:

среди людей блуждали смерти... и дрогнула Земля (Бальмонт); *дышала Земля — поднимался герой* (Брюсов).

Олицетворяющиеся космические образы в поэзии начала XX в. дают возможность художникам слова передать особое видение космического пространства, состоящего в сопоставлении жизни космоса с жизнью человека, в уподоблении космического человеческому.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Афанасьев А.Н.* Поэтические воззрения славян на природу. — М.: Современный писатель, 1995. — Т. 1. — С. 31—33.
- [2] *Болквадзе Б.И.* Олицетворение как феномен речевого художественного мышления (на материале русской и грузинской лирики 19 в.): Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. — Воронеж, 1995. — С. 4.
- [3] *Васильев Л.М.* Семантика русского глагола. — М.: Высшая школа, 1981.
- [4] *Голуб И.Б.* Риторика. — М.: Эксмо, 2005. — С. 170.
- [5] *Жирмунский В.М.* Введение в литературоведение. — М.: Изд-во Эдиториал УРСС, 2004. — С. 333.
- [6] *Костомаров Н.И.* Славянская мифология. Исторические монографии и исследования. — М.: Чарли, 1994. — С. 84—85, 89.
- [7] *Розенталь Д.Э., Теленкова М.А.* Словарь-справочник лингвистических терминов. — М.: ООО «Издательство Астрель», ООО «Издательство АСТ», 2001. — С. 526.
- [8] Русский язык: Энциклопедия / Гл. ред. Ю.Н. Караулов. — М.: Большая Российская энциклопедия; Дрофа, 1997. — С. 285.
- [9] *Тихонов А.Н.* Русский глагол. — М.: Academia, 1998.
- [10] *Туралина Н.* Словарь образных средств Александра Блока, Сергея Есенина и Владимира Маяковского. — Москва — Белгород, 2009.
- [11] *Шуклин В.В.* Русский мифологический. — Екатеринбург: Уральское изд-во, 2001. — С. 8.

EMBODIMENT AS MEANS OF PERSONIFICATION OF THE SPACE IN POETRY OF THE BEGINNING OF THE XX CENTURY

N.A. Turanina, O.N. Bil

Chair of pedagogics and elementary education technique

The Belgorod state university

Student's str., 14, Belgorod, Russia, 308007

In article the embodiment as means of personification of a space in poetry of the beginning of the XX century is considered. In work the spectrum of personified nominations is presented, groups of the verbs expressing personifying signs in poetic texts of the beginning of the XX century are considered.

Key words: an embodiment, personification, the space nominations personifying signs.